

Макс Рейн

ПОД ЗВЕЗДНЫМ
ДОЖДЕМ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Рейн, Макс Фрейя.

Р35 Под звездным дождем / Макс Фрейя Рейн. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-237676-4

Старшеклассница Сонька приезжает к бабушке в деревню, чтобы отлично провести лето, повеселиться с друзьями и прочитать чемодан книг. Но ее планы рушатся, когда она встречает Кирилла. С этого момента друзья и книги забыты, а вся вселенная сосредотачивается на этом удивительном парне, который – о чудо! – тоже ее любит. Все препятствия кажутся незначительными. Ребята молоды, счастливы и хотят быть вместе, пока смерть не разлучит их. Ненадолго прощаясь в конце лета, Соня и Кирилл еще не знают, что эта заповедь может сбыться быстрее, чем они думают.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-237676-4

© Текст. Р.М. Фрейя, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

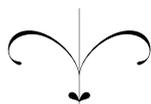
«**В**се будет правильно, на этом построен мир», — вспомнила Соня строчки из Булгакова, глядя на грязные сырые стены затхлого подвала. Интересно, что писатель имел в виду? И как это можно назвать правильным?

Она убрала прилипшие к вспотевшему лицу прядки волос и глубоко вздохнула. В последние дни все ее мысли были о смерти и ни о чем другом. А о чем еще можно думать, если ты оказалась в таком месте? Когда тебе 18, смерть обычно кажется чем-то абстрактным, далеким... И даже случись что-то ужасное — авария, катастрофа, теракт — ты все равно не успеваешь поразмыслить о смерти, ощутить ее медленное приближение и леденящее душу дыхание. Соня не хотела впускать ее в свои мысли, но та не спрашивала разрешения.

Можно, конечно, попытаться поразмышлять о прожитой жизни, стало бы, наверное, немного веселей. Но что о ней думать, такой короткой и бестолковой, даже посмаковать нечего, только жалеть себя... Жила-была девушка по имени Соня, полюбила парня, Кирилла. И не просто полюбила, а до смерти. И, соответственно, умерла. Даже не умерла, а погибла. Хоть бы шекспировская трагедия, но нет, даже на бульварный роман не тянет...

И можно было бы поставить в этой истории точку. Но Сонька еще была жива.

Часть первая

Глава 1.

«**В**се-таки как хорошо в селе, подальше от городской духоты и едкого запаха расплавленного асфальта», — думала Соня, разглядывая обложки привезенных томов. Гюго, Флобер, Булгаков. Ее любимые писатели. «С кого начать?» — ломала она голову.

Она сидела на полу перед раскрытой дорожной сумкой и аккуратно вынимала книги. Свежий ветерок приятно задувал через открытое окно комнаты, развевая непослушные рыжие локоны девочки.

Соня всегда привозила с собой в село гору книг, надеясь за лето непременно прочитать их все. Но на деле ей едва удавалось осилить одну-две. И в конце каникул она так же аккуратно складывала их в сумку и волокла обратно домой.

— Сонь, это ты? — послышался за спиной заспанный голос подруги Вики.

— Я, — бодро ответила Соня.

— А чего вскочила? — спросила Вика, сонно приоткрывая глаза.

— И ты вставай, пора уже. У нас тут не принято долго спать.

Вика села на кровати и, взглянув на часы, простонала:

— О боже, рань же несусветная, нафига мне вставать? Ты делай что хочешь, я спать буду.

— Вставай, говорю! Бабушка этого не любит, — предупредила Соня.

Вика хотела было возразить, мол, бабушкой ее не возьмешь, но не успела. Дверь в комнату распахнулась, и в проеме показалась бабушка собственной персоной. Широкая, тучная, с круглым румяным лицом, в легкой ситцевой кофте, подоткнутой за пояс, и синей юбке. Она бы не казалась грозной, если б не пронзительный колющий взор некогда голубых, а ныне выцветших глаз. Брови бабки сошлись на переносице, недобрый взгляд метнулся в сторону Вики.

— Здравствуйте, — произнесла та, выдавив улыбку, и, не получив ответа, быстро нырнула с головой под одеяло, не желая далее испытывать судьбу.

— Привет, бабулик, мы уже идем, — быстро сказала Сонька и тоже растянула губы в улыбке.

— Ну-ну, — отозвалась бабка, уперла руки в боки и, оглядев комнату, недовольно пробурчала: — Вы что это тут устроили? Почему все разбросано? И чего ты уселась на полу? Фу, ну и пылищу развела, — она брезгливо махнула рукой. — Опять макулатуру притаранила. Мы ее из дому, она — в дом!

Бабушка прошла вглубь комнаты, перешагивая через книги и тяжело вздыхая.

— Вот откуда в тебе такая тяга к собирательству? Прямо как у Семеныча. В дом к нему не зайти: банки, склянки, сам в сенях сидит — места нет. Но этот старый хрен головой поехал, Господи, прости. А ты-то...

— Бабушка, это все мои любимые, за лето хочу прочитать.

— Тьфу. Нашли себе развлечение! В доме дел невпроворот, а они сидят днем и ночью с книжками в руках, глазами тычут, что, спрашивается, выскивают... прямо меломаны какие-то.

— Бабуль, вообще-то меломаны — это те... — начала было Сонька, но наткнувшись на суровый взгляд бабки, осеклась. — Меломаны так меломаны, — тихо согласилась она, — какая уж тут разница.

С Серафимой Пантелеймоновной, бабушкой Сони, никто не решался спорить: не положено. Она была «старшей по званию», обладая в семье Сувориных авторитетом и абсолютной

властью. Ее слова являлись законом для всех членов семьи. Так сказать, истиной в последней инстанции. Дочь генерала Орбана и вдова генерала Суворина — она была дважды генеральшей. И в свои 74 года с гордостью несла на своих немолодых плечах это звание вместе со всеми тяготами сельской жизни.

Снизу доносился запах свежесдобытой выпечки, приятно наполнявший комнату девочек. Бабка насторожилась, принюхалась.

— Давай убирай свой хлам и маршируй за стол, — командовала она. — И ты тоже, как там тебя? — обратилась она к Вике. — Также мне, укрылась в бомбоубежище.

— А что на завтрак? — живо спросила Соня, вдыхая манящий аромат.

— Отставить вопросы, не в ресторан пришла. Что мать твоя наготовила, то и будешь есть. Хотя она та еще повараха, — недовольно заметила бабушка. — Дым столбом, чем пахнет, не поймешь. Дышать нечем. У меня тут с вами криз гипертонический случится, — тяжело вздыхая, сокрушалась она и снова принюхалась. — Абсолютно непонятный запах, прям душок. Господи помилуй, — она быстро перекрестилась.

Серафима все еще ворчала, покидая комнату девочек, но в голосе уже не звучали прежние жесткие нотки.

— Соник! — шепотом позвала Вика из-под одеяла. — Ушла?

— Ушла, — подтвердила Соня.

— Капец, ну и бабка у тебя, конь в пальто... Я ее боюсь!

— Ты? — прыснула Соня. — В ее возрасте ты хуже будешь...

— Я? — вытаращилась подруга. — Да я только с виду такая.

— Так и она тоже, — весело перебила Соня. — Вид у нее грозный, ей надо сразу всем показать, кто в доме хозяин, а так она крутая, с понятиями. Вот увидишь. Давай вылазь. На завтрак опоздать? Упаси боже!

Сонька изобразила выражение лица Серафимы Пантелеймоновны и быстро перекрестилась. Вика захихикала.

— Ладно, — она сладко потянулась, издав тихий стон удовольствия, и побрела в ванную комнату.

Сонька живенько заправила постель, сложила на полку книги, так и не выбрав ни одну. Она тщательно причесала свои длинные волосы и привычным движением собрала их в хвост. Затем подошла к старому зеркалу и с любопытством в него взглянула. Большие карие глаза отражения, обрамленные длинными пушистыми ресницами, встретились с пристальным собственным взглядом Сони. Темные густые брови машинально подпрыгнули вверх, добавляя лицу выразительности. Пухлые губы, чуть выпятившись вперед, дополнили образ весьма очаровательной девушки.

«Ну, что ж, хороша, — Сонька одобрительно кивнула и придала своему лицу томное выражение. — Девушка-мечта, а может даже вамп, кто знает». Она хихикнула и, высунув язык, скорчила рожицу, дразня саму себя. Теперь в зеркале отразилось странное рыжее существо с выпяченной нижней губой. Ее новый образ вызвал еще больше веселья. Девочка громко засмеялась, в глазах заискрились смешинки, а на щеках заиграли ямочки, выдавая задорную натуру.

Вика осторожно просунула голову в дверной проем. Прямые шоколадные волосы ее рассыпались по плечам, зеленые глаза посмотрели по сторонам.

— Ты с кем это разговариваешь? — настороженно спросила она.

— Да так, — Соня что-то невнятно пробубнила. — Выходи уже, Вик. Пошли вниз.

— Вниз, вниз... Скажи, что надеть-то?

— Да что угодно, Вик, это деревня, сельцо. Тут, кроме быков и свиней, мало кто на тебя посмотрит. Хотя нет, козлы еще есть, — припомнила она.

— Да ну тебя, а Милан тебе что...

— Что-что... Милан и подавно не посмотрит, сколько раз я тебе говорила. Он только на схемы и задачки смотрит, ну

и на Марию свою иногда. Пойми же, Милан у нас однолюб, еще в первом классе влюбился в эту свою Марию Бенкович и обещал на ней жениться. Они даже ни разу не ссорились с тех пор...

— Мария, Мария... Что ты заладила? Где ты видела, чтобы школьная любовь переходила во что-нибудь серьезное, — Вика театрально закатила глаза. — Все это ерунда, — махнула она рукой, — просто ему другая еще не попалась, более предприимчивая.

— Такая, как ты, что ли? — подтрунивала над ней Соня.

— Не такая, как я, а я. Только братъ его надо сейчас, горяченького, понимаешь, пока до института не дошел. Там Марии куда более опасные, — со знанием дела подметила Вика.

— Тебе виднее, — хихикнула Сонька и тут же добавила: — У тебя ровно две минуты, потом я уйду.

— Ну нет, мне выбрать нужно...

— Две минуты, — перебила Соня Вику и закрыла руками уши. — Время пошло!

— Окей, ладно... — недовольно буркнула девочка. — На фиг я, спрашивается, сюда ехала и все это барахло с собой тащила? Если даже одеться времени нет... — Вика горько вздохнула, глядя на аккуратно развешанные в шифоньере¹ вещи.

¹ Шкаф для одежды; гардероб.

Глава 2.

Милан — двоюродный брат и ближайший друг Соньки. В детстве они проводили много времени вместе. Мама Сони и папа Милана были двойняшками, да такими — не разлей вода.

И хотя Горан, папа Милана, и Катерина, мама Сони, жили в соседних странах, они регулярно созванивались, ездили друг к другу на праздники, а лето Милан проводил в селе у Серафимы Пантелеймоновны.

Сонька с Миланом, как и их родители, были связаны особыми узами. Только ему Сонька могла доверить свои самые сокровенные тайны. Вике что ни скажи, все равно сболтнет. А Милан надежный, его хоть пытай.

А еще Милан был красив: зачесанные назад темные вьющиеся волосы открывали правильные черты лица под тонкой оправой очков. Задумчивый взгляд его ярко-голубых глаз заставлял сердца девчонок биться быстрее. Высокий, хорошо сложенный, он казался старше своих лет. Милан был серьезно увлечен техническими науками, и никто, кроме него самого, не удивился, когда он с легкостью поступил на физмат.

Вежливый, всегда отзывчивый и не гнушающийся любой работы Милан был всеобщим любимцем. Его уважала даже Серафима Пантелеймоновна, известная своим непростым нравом. Она его ценила и позволяла, как она выражалась,

«бездельно читать», но в сердцах жалела, что такой парень за книжками гибнет.

— В военное ему надо, — сокрушалась бабка. — Характер и дисциплина у него — во! — говорила она, выпятив большой палец. — А ответственный какой... Вот из кого получится генерал, — но тот о военке и не думал, ему даже служба в армии не грозила с его астигматизмом.

Для Милана каждая поездка в село была приключением. Там была Сонька, а с ней не соскучишься, та еще егоза. Думая о своей младшей сестренке, Милан невольно улыбался. Сонька... Сонька чего только не придумает! То на забор залезет, а слезть не может. Он кричит ей: «Спускайся вниз!» А она: «Высоты боюсь». «А лезла зачем?» — спрашивает он. — «Отсюда вид красивый!» Вот что тут скажешь? Приходилось забираться на забор и спускать ее на себе.

А однажды она к соседям яблоки воровать наведальась. «Зачем тебе? — отговаривал ее мальчик. — У нас сад полон яблок». — «У соседки Вали всегда все вкуснее, — заверяла Сонька. — Одолжу пару...» Вкуснее, может, и вкуснее, но во дворе жил волкодав. При виде ребят он сорвался с цепи, и они еле ноги унесли.

Вообще, с соседкой Валей у Милана с Сонькой было связано много воспоминаний. Ребята регулярно наведывались к ней в гости, но далеко не всегда по приглашению. Нравилось им у Вали все: и фрукты, и овощи, а Соньке еще и домашний скот. Особенно привлекали ее индюк и индюшки... Окрестив каждого по имени, она могла за ними наблюдать часами, и даже не боялась их гладить.

— Отойди, — ругал ее Милан, — они клюнуть могут.

— Кого? Меня? Зита, Гита и Ганс меня не тронут, — хвасталась Сонька. — Я на Ганса даже верхом могу сесть, — и она поднимала ногу, стараясь оседлать птицу.

— Прекрати! — кричал Милан, оттаскивая ее от индюка. — Ненормальная.